

Litera

Правильная ссылка на статью:

Фан Х., Садченко В.Т. Микрополе «Страх» в русских говорах Приамурья (на материале глагольной лексики) // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71797 EDN: DUUKBK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71797

Микрополе «Страх» в русских говорах Приамурья (на материале глагольной лексики)

Фан Хайсой

независимый исследователь

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 140, 306

✉ 362457061@qq.com

Садченко Валентина Тарасовна

ORCID: 0000-0001-6276-6819

доктор филологических наук

профессор; высшая школа Русская Филология; Тихоокеанский государственный университет

680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, пр-т Карла Маркса, 68

✉ ValentinaSadchenko@yandex.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71797

EDN:

DUUKBK

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2024

Дата публикации:

27-09-2024

Аннотация: Предметом исследования данной работы является описание концептуального поля группы глаголов психической деятельности в русских говорах Приамурья, отличающихся вторичностью образования и локализацией на территории

позднего заселения в условиях междиалектного контактирования. Утверждается, что глаголы психической деятельности могут выступать в качестве репрезентантов картины мира носителей русских диалектов: выявленные в процессе анализа значения диалектных глаголов психической деятельности отражают мировосприятие диалектоносителей, особенности их жизнедеятельности, интересов, склонностей, психики, поведения, представление носителей говоров об отношениях между людьми. Материалом исследования данной работы послужили три словаря: основным источником эмпирического материала является диалектный словарь: «Словарь русских говоров Приамурья», и два литературного словаря: «Словарь современного литературного языка» и «Словарь русского языка». Использование полевого метода, а также элементов методики когнитивного комментария и количественных сопоставлений дало возможность выявить особенности глагольной вербализации культурно значимых для диалектоносителей Приамурья понятий, а также позволило описать микрополе «Страх». Актуальность и новизна данной работы заключается в том, что специфика глагольной лексики в говорах остается малоизученной; впервые предпринята попытка исследования диалектной картины мира жителей Приамурья на материале одной из лексико-семантических групп диалектных глаголов, зафиксированных в «Словаре русских говоров Приамурья». Результаты исследования данной работы могут способствовать реконструкции диалектной языковой картины мира. Основные выводы данного исследования резюмируют то, что микрополе «Страх» в русских говорах Приамурья имеет структуру: состоит из ядра, центра и периферии. Концепт «Страх» выражается синонимичными глагольными лексемами, представляющими собой градационный ряд со значениями «испытать состояние страха» и «привести в состояние страха» в соответствии с конкретизирующими семами по интенсивности переживания.

Ключевые слова:

глаголы психической деятельности, концептуальное поле, микрополе, диалекты, русские говоры Приамурья, концепт, страх, картина мира, диалектная языковая картина, глагольная вербализация

Введение

Глагольная лексика играет ключевую роль в выражении языковой картины мира, поскольку глаголы являются основным средством описания действий, процессов и изменений, происходящих в мире. Поле глаголов психической деятельности является ядерным для любого языка, единицы которого обладают национальными особенностями своей семантики и употребления [\[15, с. 120\]](#).

Для современной русистики особенно значимым является изучение лексико-семантической группы глаголов психической деятельности человека: по мнению ученых, это «самая сложная по внутренней организации сфера, состоящая из множества денотативных комплексов, объединенных областью референциальной приложимости: все они соотносятся с субъектом – человеком» [\[10, с. 121\]](#).

М. Д. Чертыкова обращает внимание на тот факт, что глаголы могут выполнять концептуализирующую роль в процессе создания образа человека, чему способствуют их специфическая семантика и разнообразие оттенков, возникающих на синтагматическом уровне [\[16, с. 6\]](#).

Концептуализация процессов мышления и эмоционального состояния может выражаться глаголами и глагольными сочетаниями, которые образуют концептуальное поле. Концептуальное поле глаголов психической деятельности – это многомерное образование, включающее некоторое количество вербализованных глагольными лексемами концептов в качестве его единиц, отражающих психическую деятельность человека. В данное поле глаголов психической деятельности входят глаголы с ментальными значениями (глаголы со значениями мышления и знания), эмотивными значениями, перцептивные глаголы восприятия и ощущения, объединенные общей категориальной семой «проявлять какие-либо психические способности и качества, присущие человеку».

Интересным представляется вербализация диалектными глаголами психической деятельности отдельных эмоциональных концептов, своеобразных микрополей, отражающих диалектную картину мира, которая представляет собой фрагмент общеязыковой картины мира, но в то же время характеризуется естественным характером, отсутствием кодификации, признаками традиционно-народных представлений о мире, а также особенностями в отражении мира в соответствии с региональными условиями и ценностными установками людей, свойственными для определенного места проживания. Мы обратились к малоисследованному в данном аспекте материалу русских говоров Приамурья.

Материалы и методы исследования

Основным источником эмпирического материала является «Словарь русских говоров Приамурья» (СРГП) 2007 года выпуска, включающий, как отмечается в предисловии, «диалектную лексику и фразеологию русских говоров Приамурья, распространенных на большой территории, от с. Албазино до г. Хабаровска (говоры старожилого населения Амурской области и Хабаровского края по верхнему и среднему течению р. Амура)» [11, с. 3]. Кроме того, материал проверялся также по «Словарю современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) [13] и «Словарю русского языка» (СРЯ) [12]. В работе использовался полевой метод и элементы методики когнитивного комментария при анализе значений глагольных лексем в аспекте концептуального поля и языковой картины мира и элементы методики количественных сопоставлений.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное исследование глагольной лексики с общим значением психической деятельности, зафиксированной в СРГП, показало, что в данной лексико-семантической группе преобладают эмотивные глаголы, что свидетельствует об эмоциональности диалектоносителей. Сложные обстоятельства жизни часто приводят носителей говоров в тревожное эмоциональное состояние. Большая часть глагольных эмотивных лексем вербализует отрицательное эмоциональное состояние и отношение, что соответствует семантике концептов «Страх», «Злость», «Грусть», «Горе», «Болезнь».

Страх, будучи одной из базовых негативных эмоций, неоднократно становился предметом лингвистических исследований таких ученых как Л. М. Васильев, Л. Г. Бабенко, Е. М. Вольф и др. При этом его исчерпывающее лингвистическое описание пока отсутствует. Наиболее распространенным видом исследований являются описания отдельных языковых или речевых особенностей выражения страха, которые, однако, по мнению Л. М. Васильева, также оказываются недостаточными ввиду отсутствия опоры на общее лексико-семантическое значение глаголов [3].

Так, С. В. Минибаева, исследуя лексикографическое микрополе «страх» в современном русском языке, в ядерной зоне данного микрополя размещает лексемы «робость», «испуг», «боязнь», «страх», «ужас» [\[7, с. 88\]](#).

Но интенсивность эмоционального состояния у данных лексем синонимического ряда разная. Подобное мы наблюдаем у глагольных лексем.

Попробуем рассмотреть микрополе «Страх» с опорой на глагольную лексику психической деятельности, выделенную в СРГП.

Следует отметить, что в русистике концепт «Страх» имеет значительную историю изучения в силу того, что является универсальным, общим для многих культур и народов, уже неоднократно предпринимались попытки его описания на материале имен и фразеологизмов русского литературного языка или в сопоставительном аспекте на материале русского и иностранного языков; в глагольной презентации данный концепт еще не анализировался.

Микрополе «Страх» характеризуется наличием ядра, центра и периферии.

Ядро микрополя составляют лексемы со значениями «испугаться» – испытать состояние страха и «испугать» – привести в состояние страха: *ахнуться, спужаться, нашорошить*. Первые два глагола являются абсолютными синонимами, а лексема *нашорошить* имеет иную грамматическую характеристику – обозначает другую направленность действия: это переходный глагол, обозначающий эмоциональное воздействие субъекта на объект:

СПУЖТЬСЯ, ю с ь, е ш ь с я, сов. *Испугаться*. Спужается ружьём – ружьё выльется, испужался петух – петух выльется (*Ключи Бел.*). Ночью сегодня в окно кто-то стукнул, так спужалась до смерти (*Архара Арх.*). Амур. (*Арх. Бел.*) [\[11, с. 417\]](#).

НАШОРШИТЬ, ш у, ш и ш ь, сов., кого. *Испугать*. Нашорошили они [японцы] меня, неделю заикался (*Н.-Вскр. Шим.*). Амур. (*Шим.*) [\[11, с. 266\]](#).

В «Словаре русского языка» глагол «испугать» обозначает «вызвать испуг, заставить бояться», а «испугаться» – «почувствовать испуг, боязнь» [\[12, т. I, с. 685\]](#).

Околоядерную зону – центр поля – составляют лексемы, имеющие коннотативную окраску, выражющуюся в интенсивности и длительности переживаемой эмоции. Это более многочисленная группа слов, выражющих страх: *опаситься, обробеть, пристрашить, настращаться, оглазеть, ужахнуться*.

Периферию поля составляют глаголы *сполосить, сполоситься, растушеваться* – это лексемы, в семантике которых страх присутствует факультативно, в частности, глаголы **СПОЛОШТЬ**, ш , ш ш ь , сов., кого. Экспр. Встревожить, внезапно испугать; всполошить. *Пожар всех сполосил. Ночью приехали и всех сполосили* (*Благовещ.*). Амур. (*Благ.*); **СПОЛОШТЬСЯ**, ш с ь, ш ш ь с я, сов. *Встревожиться, всполошиться*. От пустых вестей сполосились (*Благовещ.*). Амур. (*Благ.*) [\[11, с. 416\]](#) имеют основную сему «испытывать тревогу», «потерять душевное равновесие»; у глагола **РАСТУШЕВТЬСЯ**, ш ю с ь, ш е ш ь с я, сов. *Прийти в замешательство, оробеть, смутиться*. Пела я им хорошо, а потом чего-то растушевалась, да и получилось плохо (*Алб. Скв.*). Амур. (*Скв.*) [\[11, с. 366\]](#) сема «страх» присутствует в приведенном комментарии к лексеме: в значении литературного глагола-аналога «оробеть». Тревога, замешательство по сравнению со страхом называет более общее состояние, имеющее размытые, нечеткие границы.

Е. Ю. Бутенко в статье, посвященной концепту «Страх», пишет следующее: «... страх в русском языковом сознании <...> не является «популярной» эмоцией, не является основной «темой» жизни и культуры. Слово *страх* – символ, культурный термин, способный замещать конкретные оттенки чувства, выражает эмоцию собирательно, отчужденно от переживания человеком, тем самым, объективируя смысл самой эмоции. В русской лингвокультуре параметр ожидания чего-либо плохого репрезентируется, помимо лексемы *страх*, также, прежде всего, лексемами *тревога* и *тоска*» [\[2, с. 109\]](#).

Глагольные средства языковой объективации концепта «Страх» позволяют сделать некоторые выводы относительно особенностей репрезентации данного концепта в речевом пространстве носителей русских говоров Приамурья.

Глагольная вербализация концепта «Страх» в русских говорах Приамурья отражает физиологические и психологические процессы, происходящие с человеком в процессе жизни и познания действительности.

Страх могут вызывать злые, опасные животные (*волки*); природные силы (*вода*), стихии (*пожар, наводнение*); вражеские захватчики (*японцы*); нечистая сила (*кто-то*) ; пустые вести.

Интенсивность, продолжительность переживания страха выражаются синонимичными глагольными лексемами, входящими в центральную зону и образующими градационный ряд в соответствии с конкретизирующими семами по интенсивности переживания: более и менее слабые. Страх может быть сильным и продолжительным, сопряженным с ужасом, вызванным, как правило, природными или значительными социальными бедствиями.

Применительно к диалектному материалу не находит подтверждения вывод А. А. Антиповой о том, что в русском языке зафиксирован «лишь один случай, где возможно обозначение сниженной степени интенсивности «в чистом виде», то есть при помощи словообразовательного форманта, а именно: бояться + значение «меньше нормы» = побаиваться» [\[1\]](#).

В материалах СРГП представлен глагол *пристрашить*, где префикс ***при-*** имеет значение неполноты проявления признака, что также подчеркивается контекстуально и адвербиальной лексемой *слегка*:

ПРИСТРАШТЬ, *ш, шшь, сов., кого. Устрашить слегка.* Никого под суд не сдаёт, так пристрашит и всё (*Н.-Андр. Бел.*). Пристрашил пацанов, дак больше не лазят (*Марк. Благ.*). Амур. (*Бел. Благ.*) [\[11, с. 348\]](#).

Не наблюдается персонификации страха, не отмечается и модель, на которую как наиболее частотную и характерную для русского языка указывает в своей диссертации С. В. Зайкина: «... страх есть болезнь», <...> в русском языковом сознании страх-болезнь мыслится как практически неизлечимое заболевание, с крайне тяжелыми последствиями, ведущее к временной парализации организма» [\[4\]](#).

В данной группе говоров страх понимается не как «нервно-психическое расстройство, появившееся в результате испуга»; у носителей анализируемого диалекта отношение к страху скорее ироничное (респонденты рассказывают об этом состоянии как о прошедшем и пережитом событии, вызвавшем значительный страх, но не имевший таких тяжких последствий).

С точки зрения В. К. Приходько, появление страха у жителей Приамурья связано «со

столкновениями с бурной водной стихией, сильными морозами и ветрами, топкими болотами, непроходимыми лесами, с ядовитыми насекомыми, пожарами. Переселенцам знакомо понятие “животный страх”, т. е страх за “живот”, или за свою жизнь. К этому страху можно присовокупить страх болезней, страх смерти, тревогу о завтрашнем дне, страх божий и фантастический страх». По мнению В. К. Приходько, чувство страха «у старожилов носит в основном объективный характер: внешняя угроза окружающей среды (наводнение, пожар, буря и т. д.)» [\[9, с. 24\]](#).

В. К. Приходько также отмечает, что в диалектной языковой картине мира русских говоров Приамурья большое значение занимают отрицательные базовые эмоции [\[9, с. 12\]](#).

Данный факт в общеязыковой картине мира исследователи объясняют тем, что «сознание людей положительные качества человека воспринимает как некую норму, на фоне которой его отрицательные качества выступают ярче, рельефнее и поэтому чаще кладутся в основу номинации». Отмечается также, что носителями говоров отрицательно воспринимается любое излишнее проявление какого-либо качества, несоблюдение нормы в поведении [\[14, с. 254\]](#).

В целом, относительно особенностей выделенных концептов, подтверждаются выводы лингвистов о значительном преобладании слов с отрицательной эмоционально-оценочной окрашенностью. При этом видов отрицательных сем значительно больше, чем положительных. Данную особенность, вслед за Н. Б. Лаврентьевой [\[6\]](#), отмечает Ф. П. Иванова, анализировавшая в свое время русские говоры Приамурья и принимавшая активное участие в составлении словаря. Автор предлагает назвать эмоционально-оценочной избирательностью [\[5, с. 30\]](#).

Е. А. Оглезнева в статье, посвященной производным именам существительным в русских говорах Приамурья, высказывает мысль о том, что «оценочный нормативный предикат выражает оценку лица с точки зрения народных представлений о должном» [\[8, с. 19\]](#). Поэтому в центре внимания диалектоносителей оказывается лексика, номинирующая деятельность, нарушающую правила поведения.

Выводы

Микрополе «Страх» в русских говорах Приамурья имеет в целом следующую структуру: состоит из ядра, центральной зоны и периферии; его вербализуют синонимичные глагольные лексемы, представляющие собой градационный ряд со значениями «испытать состояние страха» и «привести в состояние страха», дифференцирующий единицы по признакам интенсивность, продолжительность переживания страха, а также некоторые особенности его восприятия и формализации (отсутствие персонификации страха, отсутствие модели «страх-болезнь», наличие случаев обозначения сниженной степени интенсивности при помощи префиксальных формантов).

Библиография

1. Антипова А. А. Способы обозначения степени интенсивности эмоционального состояния в русском и итальянском языках : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 166 с.
2. Бутенко Е. Ю. Страх //Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 5. Волгоград : Парадигма, 2007. С. 104-113.
3. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи// Очерки по семантике русского глагола: некоторые вопросы урало-алтайского языкознания. Уфа,

1970. С. 38–310.
4. Зайкина С. В. Эмоциональный концепт "страх" в английской и русской лингвокультурах : Сопоставительный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 188 с.
 5. Иванова Ф. П. Эмоционально-оценочная глагольная лексика (на материале русских говоров Приамурья) // Народные говоры Дальнего Востока. Хабаровск : ХГПИ, 1989. С.28–35.
 6. Лаврентьева Н. Б. Экспрессивно-выразительная глагольная лексика: на материале говоров Новосибирской области : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1980. 207 с.
 7. Минибаева С. В. Лексикографическое поле «Страх» в современном русском языке // Путь науки. №4. 2014. С. 88–89.
 8. Оглезнева Е. А. Человек в диалектной картине мира (на материале производных имен существительных русских говоров Приамурья) // Вестник Амурского государственного университета. Вып.12. Благовещенск : АмГУ, 2001. С.75–79.
 9. Приходько В. К. Эмотивный фонд русских говоров Приамурья : автореф. дисс ... д-ра филол. н. Москва, 2022. 36 с.
 10. Русская глагольная лексика : денотативное пространство : монография / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин, А. М. Плотникова и др.; под. общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 1999. 458 с.
 11. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
 12. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
 13. Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
 14. Чернышева О. И. Лексика, характеризующая человека по внешним признакам и внутренним качествам // Русские народные говоры: история и современность. Арзамас, 2005. С. 253–255.
 15. Чертыкова М. Д. Глаголы поля психической деятельности как фрагмент мировидения хакасов // Новые исследования Тувы. 2015, № 2. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_26/7942-chertykova.html (дата обращения: 05.09.2024).
 16. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением психической деятельности в хакасском языке (системно-семантический аспект) : дисс. ... д-ра филол. наук. Абакан, 2016. 500 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает микрополе «страх» в русских говорах Приамурья, актуальность изучения которого обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью русских говоров Приамурья, во-вторых, важностью изучения «ядерного для любого языка» поля глаголов психической деятельности, «единицы которого обладают национальными особенностями своей семантики и употребления». Выбор микрополя «страх» обоснован: «страх, будучи одной из базовых негативных эмоций, неоднократно становился предметом лингвистических исследований», «при этом его исчерпывающее лингвистическое описание пока отсутствует». В то же время лексические единицы этого поля, входя в основной словарный запас литературного языка, активно функционируют в разговорной речи,

включаются в состав фразеологизмов, употребляются на страницах периодической печати и в художественных произведениях.

Методологическую базу исследования составили полевой метод и элементы методики когнитивного комментария при анализе значений глагольных лексем в аспекте концептуального поля и языковой картины мира и элементы методики количественных сопоставлений.

Теоретической основой исследования выступили труды российских ученых М. Д. Чертыковой, Л. М. Васильева, Л. Г. Бабенко, С. В. Минибаевой, Е. Ю. Бутенко, В. К. Приходько, Н. Б. Лаврентьевой, Е. А. Оглезневой, С. В. Зайкиной, Ф. П. Ивановой, посвященные семантическим классам глаголов чувства, мысли и речи; эмоционально-оценочной и экспрессивно-выразительной глагольной лексики на материале русских говоров Новосибирской области и Приамурья; эмотивному фонду русских говоров Приамурья; эмоциональному концепту «страх» в английской и русской лингвокультурах; глаголам со значением психической деятельности в хакасском языке.

Основными источниками эмпирического материала послужили «Словарь русских говоров Приамурья» (2007 г.), включающий «диалектную лексику и фразеологию русских говоров Приамурья, распространенных на большой территории, от с. Албазино до г. Хабаровска (говоры старожилого населения Амурской области и Хабаровского края по верхнему и среднему течению р. Амура)», а также «Словарь современного русского литературного языка» (под ред. В. И. Чернышёва) и «Словарь русского языка» (под ред. А. П. Евгеньева).

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) прийти к выводу о том, что микрополе «страх» в русских говорах Приамурья «вербализуют синонимичные глагольные лексемы, представляющие собой градационный ряд со значениями «испытать состояние страха» и «привести в состояние страха», дифференцирующий единицы по признакам интенсивность, продолжительность переживания страха, а также некоторые особенности его восприятия и формализации (отсутствие персонификации страха, отсутствие модели «страх-болезнь», наличие случаев обозначения сниженной степени интенсивности при помощи префиксальных формантов)».

Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Положительным моментом данной статьи является апелляция к оппонентам: «Применительно к диалектному материалу не находит подтверждения вывод А. А. Антиповой о том, что в русском языке зафиксирован «лишь один случай, где возможно обозначение сниженной степени интенсивности «в чистом виде», то есть при помощи словообразовательного форманта, а именно: бояться + значение «меньше нормы» = побаиваться».

Библиография статьи насчитывает 16 русскоязычных работ. В библиографическом списке присутствуют фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Отсутствие источников на иностранных языках обусловлено спецификой объекта исследования, а именно: русские говоры Приамурья. К сожалению, говоря о современном русском языке, автор(ы) в основном апеллируют к научным трудам 10-20-летней давности: «Для современной русистики особенно значимым является изучение лексико-семантической группы глаголов психической деятельности человека: по мнению ученых, это «самая сложная по внутренней организации сфера, состоящая из множества денотативных комплексов, объединенных областью референциальной приложимости: все они соотносятся с субъектом – человеком» [Русская глагольная лексика: денотативное пространство : монография / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин, А. М. Плотникова и др.; под. общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 1999]. Конечно, данное замечание не умаляет значимости проделанной

работы, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, психолингвистическая теория эмоций, прагматика, лингвокультурология; в теорию изучения лексико-семантического поля глагольной лексики с общим значением психической деятельности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лингвокультурологии, лексикологии и лексикографии.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».